

ОГЛАВЛЕНИЕ

Историческая справка	9
<i>Введение</i>	13
Глава 1. Психические состояния	18
Глава 2. Начало	28
Глава 3. Младенчество: контейнирование и мечтание	45
<i>Глава 4. Младенчество: защита от боли</i>	61
Глава 5. Раннее детство: отлучение и разделение	78
Глава 6. Латентный период	101
Глава 7. Модели научения	129
<i>Глава 8. Семья</i>	149
Глава 9. Пубертатный период	168
Глава 10. Середина отрочества: пример из практики	191
Глава 11. Конец отрочества: придуманная жизнь	210
Глава 12. Мир взрослых	234
Глава 13. Поздние годы	261
Глава 14. Последние годы	283
Приложение	298
Избранная библиография	304

ВВЕДЕНИЕ

На страницах этой книги развернется целая история. И история во многом простая. Я буду рассказывать ее от своего лица, со своей точки зрения, которая, однако, уходит корнями в конкретную психоаналитическую традицию, а именно кляйнианскую и посткляйнианскую мысль. Материалом для истории стала моя клиническая работа за последнюю четверть века. Если посмотреть с другой стороны, история эта – самая сложная из всех возможных, ведь это история о том, как личность растет (ну или о том, как сложно понимать процесс роста личности). В своем повествовании я не буду ограничиваться рамками ортодоксальной возрастной психологии, однако его нельзя считать и простым обобщенным психоаналитическим обзором. Скорее у меня получилась попытка запечатлеть развертывание внутренней истории, внутренней жизни личности, тех путей, следуя по которым личность получает (или утрачивает) возможность переживать *собственный уникальный опыт*.

С самого начала Мелани Кляйн избрала проспективный подход с акцентом на развитие, отбросив более традиционный ретроспективный подход анализа и поисков возможных источников симптомов. Используя передовые игровые методики в работе с детьми, она переработала идеи Фрейда и перенесла внимание на всепронизывающее влияние инфантильных импульсов в жизни взрослых. Кляйн показала все богатство и всю сложность психической жизни, которая не прерывается даже в так называемых бессознательных состояниях. Такую психическую активность она называла «бессознательной фантазией». Она выдвинула идею о том, что развитие человека в меньшей степени связано с поэтапным переходом от одной психосексуальной стадии к другой (как это описывал Фрейд) и в большей степени отражает эволюцию состояний сознания, каждое из

которых включает в себе типичные тревоги, механизмы защиты и качества отношений.

В частности, Кляйн интересовалась теми факторами, которые позволяют ребенку чувствовать радость бытия, устанавливать прочные отношения, здоровое любопытство и могущество воображения. Она вслушивалась в детские разговоры и внимательно наблюдала за их выражением в игре. Она следила за их мыслями, фантазиями и идеями – особенно в нетривиальных, внутренних вопросах о том, что происходит внутри их собственного тела и тела матери. В результате Кляйн удалось нарисовать неимоверно живую и красочную картину внутренней жизни ребенка (подразумеваем: младенца). Их психика предстала в виде внутреннего театра, на сцене которого разыгрываются смыслы внешнего опыта, проигрываются сказочные истории. Кляйн убедилась в том, что личность соткана в первую очередь не из биологических влечений, а из отношений, главными из которых всегда оказываются отношения матери и младенца.

Меня также интересует самое обычное творческое развитие личности. Зачастую именно с творческим развитием, которое как бы высвечивает повседневный опыт, связаны наиболее трудные моменты взросления. Мне остается надеяться на то, что богатый материал проработанных жизненных трудностей – непосредственно мной или коллегами – помогут прояснить те теоретические понятия, которые лежат в основе психоаналитической мысли, психоаналитического способа мышления. Сложнейший процесс внутреннего и внешнего взросления обладает рядом черт, которые можно выделить и в психоаналитическом процессе. Так, например, в обоих случаях ставятся цели самопознания и интеграции ощущения собственного «Я».

Акцент я буду делать не на конкретных подробностях наблюдаемых процессов, а на их смысле в контексте внутреннего мира личности. Внутренний мир – это одно из тех понятий, которым в психоанализе оперируют механически. Но мне представляется крайне важным определить его

как можно более четко. Очерчивая кляйнианский подход, психоаналитик Джоан Ривьер очень точно формулирует озвученную нами проблему:

Говоря о внутреннем мире, мы ни в коем случае не подразумеваем некую копию мира внешнего, которая пребывает внутри нас. Внутренний мир – это мир личных отношений, где нет ничего внешнего в том смысле, что все так или иначе соотносится с «Я» того индивидуума, частью которого этот мир является. Он выстроен исключительно из желаний индивидуума по отношению к другим и реакций на других как на объекты желания. Такая внутренняя жизнь зачинается вместе с нашим рождением, а затем – параллельно с внешним развитием – происходит и эволюция наших отношений и с этим внутренним миром... Таким образом, любовь и ненависть по отношению к другим во многом и в наиболее грубой форме привязаны к тому, что внутри, а не вне нас. [Rivière, 1952, p. 162]

Настолько сложные психоаналитические идеи просто необходимо перевести на более доступный язык. И это предприятие оказалось намного труднее, чем я ожидала. Многие еще предстоит понять. Действительно, не будет преувеличением сказать, что психоанализ находится лишь у подножья изучения того, что Фрейд как-то назвал самым чудесным и самым таинственным из всех инструментов человеческого разума. И подобными идеями мы вовсе не собираемся объяснять природу человека, но лишь описать некоторые из ее качеств и особенностей. Философы и писатели занимаются этим столетиями. Частично по этой причине я часто прибегаю к примерам из области поэзии, прозы и драматургии – иногда так необходим другой, более звучный язык. Но обращение к литературе – это еще и возможность подчеркнуть важность воображения и понимания, способности к символическому мышлению. Психоаналитический подход

постоянно подбивает нас сбиться с описаний на объяснения. Уильям Вордсворт во второй части своей «Прелюдии» прекрасно описал опасность такой подмены:

*Кому по силам ум разбить
По предписаньям геометров?
Кто, свой направив жезл, укажет,
Что сей поток реки души моей
Вот в том ключе берет начало?*

В этой книге психоаналитический метод будет использован не для помечания вех развития, но для свидетельства роста индивидуального сознания, трудноуловимых процессов формирования характера, нравственного и эмоционального формирования «Я». И хотя использовать мы будем практический материал, истории конкретных детей, подростков и взрослых, я надеюсь на определенный вклад в разработку теории.

Тот факт, что стремление к развитию есть абсолютно во всех людях, во всех типах пациентов, на мой взгляд, опровергает детерминистскую позицию, согласно которой негативный опыт в определенном возрасте определяет весь дальнейший путь личности. Однако мы не будем спорить с тем, что вынужденно выработанные механизмы защиты надевают на человека кандалы регрессии и самообороны. Вопрос психического выживания также может погрузить личность в особый режим ожидания. Пути развития неисповедимы.

Способность жить так, чтобы извлекать из пережитого опыта уроки и фиксировать его, зиждется на огромном числе взаимозависимых факторов, которые с разной долей адекватности описаны психоаналитической теорией. Огранка и переработка этих понятий в контексте индивидуальной истории станет основой нашего повествования, нашего описания примеров личного мироощущения и «созерцания себя в мире», постепенно обретающих форму и смысл.

Вот как Бен Николсон описал искусство научения: «Вопрос в том, чтобы обнаружить внутри личности художественный потенциал (который есть у всех, но на разной глубине) и высвободить его. Так мы помогаем другому стать более живым» [Nicholson, 1984, p. 6]. Эти слова очень точно выражают то чувство, которое двигало мной при написании этой книги и которое в принципе определило мой интерес к психоанализу¹.

¹ Выражаю благодарность Мартине Томсон за то, что она разрешила повлиять цитату Николсона из ее книги «Искусство и терапия» (Thomson, 1997, p. 6).